

Глава 5. Лестница смерти

第 5 章 死亡阶梯

Мы снова идем днями и неделями. После Аушвица мы оставались в Германии, но в какой-то день подходим к австрийской границе и ждем, когда сможем ее пересечь. Конвоиры обсуждают слухи, пока мы стоим в бесконечных очередях. Эти очереди создали для меня иллюзию порядка – иллюзию того, что за одним логично следует другое. Какое облегчение – просто стоять. Я прислушиваюсь к разговорам конвоиров: умер президент Рузвельт; войну продолжит Трумэн. Как странно слышать, что в мире за пределами нашего чистилища что-то меняется. Выбран новый курс. Все эти события происходят слишком далеко от нашей повседневной действительности. Это потрясает сознание, что сейчас, даже сейчас, кто-то принимает решения относительно меня. Не конкретно меня. У меня нет имени. Но кто-то власть имущий делает выбор, который определит, что будет со мной дальше. Север, юг, восток, запад? Германия или Австрия? Что должно стать с выжившими евреями до того, как закончится война?

我们又去了几天和几周。奥斯威辛集中营之后，我们留在了德国，但有一天我们接近奥地利边境，等到我们可以越过它。当我们排着长队时，护送人员讨论谣言。这些队列给了我一种秩序的错觉——一种逻辑上遵循另一个的错觉。只是站着真是一种解脱。我听着护卫队的谈话：罗斯福总统死了；杜鲁门将继续战争。听到我们炼狱之外的世界发生了一些变化，这真是太奇怪了。选择了新课程。所有这些事情都与我们的日常现实相去甚远。令人震惊的是，现在，甚至现在，有人正在为我做决定。不是特指我。我没有名字。但是当权者正在做出决定，这将决定我接下来会发生什么。北，南，东，西？德国还是奥地利？在战争结束之前，幸存的犹太人应该怎么办？

«Когда закончится война...» – говорит конвоир. Он обрывает фразу. Это похоже на разговоры о будущем, которые нас с Эриком когда-то занимали. После войны... Если как следует сосредоточить все внутренние силы, смогу ли я понять, остался ли он в живых? Я представляю, будто стою на станции, где мне нужно купить билет, но я должна с одной попытки решить, в каком городе я его встречу. Прага? Вена? Дюссельдорф? Прешов? Париж? Я лезу в карман, машинально проверяя, на месте ли паспорт. Эрик, милый, любимый мой, я в пути. Пограничница кричит мне и Магде что-то по-немецки и указывает на другую очередь. Я делаю несколько шагов, но Магда стоит на месте. Пограничница снова кричит. Магда не двигается, не реагирует. Она сошла с ума? Почему она за

мною не идет? Пограничница стоит перед Магдой и орет на нее, Магда мотает головой.

“战争结束后……”警卫说。他打断了这句话。这就像埃里克和我曾经有过的关于未来的对话。战后……如果所有内力都适当集中，他是否还活着，我能理解吗？我想我正站在需要买票的车站，但我必须一次决定在哪个城市与他会面。布拉格？静脉？杜塞尔多夫？普雷索夫？巴黎？我把手伸进口袋，自动检查我的护照是否还在。埃里克，亲爱的，我的爱人，我正在路上。边防警卫用德语对我和玛格达喊了几句，然后指了指另一个队列。我走了几步，但玛格达站着不动。边防警卫再次尖叫。玛格达不动，也没有反应。她疯了？她为什么不跟着我？边防警卫站在玛格达面前冲她大喊大叫，玛格达摇摇头。

– Я не понимаю, – говорит ей Магда по-венгерски. Конечно, понимает. Мы обе хорошо владеем немецким.

– Все ты понимаешь! – кричит пограничница.

– Я не понимаю, – повторяет Магда.

Ее голос лишен эмоций. Она стоит, развернув плечи, выпрямившись.

Я что-то упустила? Почему она притворяется, что не понимает?

Неповиновением здесь ничего не добьешься. Она потеряла рассудок?

Пререкания продолжаются. Правда, Магда не спорит. Только

повторяет ровным тоном, спокойно: «Не понимаю, не понимаю». Немка

теряет самообладание. Она бьет Магду прикладом по лицу. Ударяет еще раз

по плечам. Она бьет и бьет, пока Магда не валится с ног, и охрана жестами

велит мне вместе с другой девочкой оттащить ее.

“我不明白，”玛格达用匈牙利语告诉她。他当然明白。我们俩都说一口流利的德语。– 你什么都懂！边防警卫喊道。“我不明白，”玛格达重复道。她的声音没有感情。她肩膀打开站着，挺直了身体。我错过了什么吗？她为什么要假装不明白？在这里，不服从没有任何好处。她是不是失去理智了？争吵还在继续。诚然，玛格达没有争论。只重复用平稳的语气，平静地：“我不明白，我不明白。”德国人失去了冷静。她用枪托打了玛格达的脸。他再次敲击肩膀。她打了又打，直到玛格达没站稳摔下来，守卫示意我和另一个女孩把她拖开。

Магда в ушибах, кашляет, но ее глаза сияют. «Я сказала “нет”! –

говорит она. – Я сказала “нет”». Для нее это великолепное поражение.

Доказательство ее силы. Она стояла на своем, когда пограничница

потеряла контроль. Этот акт гражданского неповиновения позволил Магде

почувствовать себя инициатором выбора, а не жертвой судьбы.

Но сила, которую ощутила Магда, недолговечна. Скоро начинается новый переход – к месту, которое намного хуже всего, что было до этого.

玛格达浑身淤青，咳嗽着，但她的眼睛闪闪发光。“我说不”！她说。 – 我说不””。对她来说，这是一次光荣的失败。证明她的实力。当边防警卫失去控制时，她坚守阵地。这种公民不服从的行为让玛格达觉得自己是选择的发起者，而不是命运的受害者。但玛格达感受到的力量是短暂的。很快，一个新的转变开始了——到一个比以前更糟糕的地方。

Мы приходим в Маутхаузен. Это мужской лагерь у каменоломни, где узников заставляют колоть и перетаскивать гранит, который будет использован во время перестройки города гитлеровской мечты, обновленной столицы Германии – нового Берлина. Я не вижу ничего, кроме лестницы и мертвых тел. Лестница из белого камня высится над нами, уходя высоко-высоко вверх, по ней как будто можно дойти до неба. Тела, сваленные в кучи, повсюду. Они лежат искривленные, с раскинутыми конечностями – будто куски сломанного забора. Скелетообразные, обезображенные, спутанные, они почти утратили человеческие очертания. Мы стоим на белых ступенях. «Лестница смерти» – так ее называют. Здесь мы, по нашим предположениям, ждем новой селекции, после чего нас отправят либо на смерть, либо работать дальше. Очередь вздрагивает от слухов. Мы узнаем, что узники Маутхаузена должны таскать из каменоломни вверх почти пятидесятикилограммовые каменные блоки, проходя сто восемьдесят шесть идущих подряд ступеней. Я представляю моих предков, рабов фараона в Египте, сгибавшихся под тяжестью камней. Здесь, на лестнице смерти, как нам говорят, если несешь камень, быстро взбираясь по лестнице, и кто-то впереди тебя спотыкается или падает в изнеможении, ты упадешь следующим, а за тобой другой и так далее, пока вся ваша цепочка не осядет грудой внизу.

我们来到毛特豪森。这是一个靠近采石场的男子集中营，囚犯们被迫砍伐和拖拽花岗岩，这些花岗岩将用于重建希特勒梦想中的城市，德国复兴的首都——新柏林。除了楼梯和尸体，我什么也看不见。一个白色的石头楼梯从我们头顶升起，越来越高，好像你可以沿着它到达天空。到处都是成堆的尸体。他们蜷缩着躺着，四肢张开——就像破栅栏的碎片。骨骼，毁容，混乱，他们几乎失去了人类的形状。我们站在白色的台阶上。“死亡阶梯”——这就是他们所说的。在这里，根据我们的假设，我们正在等待新的选择，之后我们将被送去死亡或继续工作。队列因谣言而颤抖。我们了解到，毛特豪森的囚犯必须从采石场搬运近五十公斤的石块，连续通过一百八十六级台阶。我

想象我的祖先，埃及法老的奴隶，在石头的重量下弯腰。在死亡的阶梯上，我们被告知，如果你背着一块石头，快速爬上楼梯，而你前面的人绊倒或筋疲力尽，你会下一个摔倒，另一个人会在你身后摔倒，以此类推，直到你的整个链条都堆在下面。

Но мы слышали, что, если ты выживаешь, это еще хуже. Заключение выстраивали на краю утеса вдоль стены, которой дали название «стена парашютистов». Под дулом пистолета ты выбираешь: быть расстрелянным, упасть самому или столкнуться с обрыва стоящего перед тобой.

– Просто толкай меня, – говорит Магда, – если до этого дойдет.

– Ты меня тоже, – говорю я. Я лучше тысячу раз упаду с обрыва, чем увижу, как стреляют в мою сестру. Мы очень слабы, заморены голодом, чтобы говорить так из любезности. Мы говорим это из любви, а также ради самосохранения. Не заставляйте меня опять таскать тяжести. Дайте просто упасть среди камней.

但我们听说如果你能活下来，情况会更糟。囚徒们在悬崖边沿墙排成一排，因此得名“伞兵墙”。在枪口下，你选择：被枪杀，自己摔下去，或者把站在你面前的人推下悬崖。“只要推动我，”玛格达说，“如果是这样的话。“你也想要我，”我说。我宁愿掉下悬崖一千次也不愿我看到我姐姐被枪杀了。我们太虚弱了，快饿死了，迫于礼貌，不想这样说话。我们这样说是出于爱，也是为了自保。不要再让我提重物了。让我们坠入石头中。

Я вешу меньше, намного меньше, чем камни, которые заключенные поднимают по лестнице смерти. Я такая легкая, что меня мог бы унести ветер, как листок или перышко. Вниз, вниз. Я могла бы упасть сейчас. Могла бы просто упасть назад, вместо того чтобы делать еще один шаг вверх. Мне кажется, я пустая. Во мне нет тяжести, которая бы тянула меня к земле. Я готова поддаться фантазии о невесомости, о том, чтобы сбросить бремя существования, как вдруг кто-то впереди меня разрушает эти чары.

– Вон крематорий, – говорит одна из нас.

Я поднимаю глаза. Мы многие месяцы пробыли вне лагерей – я и забыла, что дымоходы поднимаются над всем лагерем так буднично. В каком-то смысле их вид успокаивает. В этом прямом штабеле кирпичей чувствуется близость смерти, ее неотвратимость: труба – это мост, который скроет твой переход из плоти в воздух; считать себя уже мертвой – все это в какой-то степени кажется понятным и осмысленным.

我比囚犯抬上死亡阶梯的石头轻得多，轻得多。我很轻，风可以像树叶或羽毛一样把我吹走。下来，下来。我现在可能会摔倒。我可以退后一步，而不是再上一步。我觉得我是空的。我身上没有重力可以把我拉到地上。我正要屈服于失重的幻想，摆脱存在的负担，突然我面前有人打破了这个咒语。“那里有火葬场，”我们中的一个人说。我抬起眼睛。我们在营地外待了好几个月——我忘记了烟囱如此随意地高出整个营地。在某种程度上，他们的外表令人放心。在这堆笔直的砖块中，人们感受到死亡的临近，它的必然性：管道是一座桥梁，可以隐藏你从肉体到空气的过渡；认为自己已经死了——这一切在某种程度上似乎是可以理解和有意义的。

И все-таки, пока из трубы идет дым, мне есть с чем бороться. У меня есть цель. «Мы умрем этим утром», – предрекают слухи. Я чувствую, что обреченность утягивает меня, как гравитация, как неизбежная и постоянно действующая сила.

然而，只要烟囱冒出烟，我就需要斗争，我有一个目标。“我们今天早上就要死了，”谣言预言。我觉得厄运像重力一样将我拉倒，就像一种不可避免的恒定力量。

Приходит ночь, мы спим на ступенях. Почему они так затянули с началом селекции? Моя бодрость духа пошатнулась. Мы умрем этим утром. Этим утром мы умрем. Знала ли моя мама, что ее ждет, когда вставала в очередь с детьми и пожилыми? Когда видела, что мне и Магде указали в другую сторону? Боролась ли она со смертью? Приняла ли ее? Или была в неведении до конца? Когда уходишь в смерть, имеет ли значение, что ты это понимаешь? Мы умрем этим утром. Этим утром мы умрем. Слух? Бесспорный факт? Но фраза повторяется, словно отражаясь эхом от карьерного камня. Неужели мы и правда прошли маршем сотни миль, только чтобы исчезнуть?

夜幕降临，我们睡在台阶上。为什么他们花了这么长时间才开始选择？我的精神崩溃了。我们今天早上会死。今天早上我们会死。当妈妈和孩子和老人一起排队时，妈妈知道等待她的是什么吗？我什么时候看到玛格达和我被指向了另一个方向？她与死亡抗争吗？你接受她了吗？还是她完全不知道？当你进入死亡，你理解它重要吗？我们今天早上会死。今天早上我们会死。听力？不争的事实？但是这句话重复了，仿佛从采石场中回响。我们真的行军数百英里就消失了吗？

Мне хочется привести рассудок в порядок. Не хочу, чтобы мои

последние мысли были стереотипными или мрачными. Не хочу вопросов типа «в чем смысл?» и «зачем все это было?». Не хочу в последних мыслях заново проигрывать все ужасы, которые мы видели. Я хочу чувствовать себя живой. Хочу снова испытать удовольствие отвыразительности своего тела. Я думаю о голосе Эрика и его губах. Стараюсь вызвать в памяти те мысли, которые, возможно, еще способны заставить меня трепетать. Я никогда не забуду твои глаза. Я никогда не забуду твои руки. Вот что я хочу вспомнить: тепло в груди, румянец на коже. Хотя «вспомнить» – не совсем точное слово. Я хочу насладиться своим телом, пока оно у меня есть. Целую вечность назад, в Кашше, мама запретила мне читать «Нана» Эмиля Золя, но я утащила книгу в ванную и тайком читала. Если завтра я умру, то умру девственницей. Зачем тогда мне вообще нужно было тело, если я не смогла познать его полностью? Много в моей жизни было тайной. Помню день, когда у меня начались первые месячные. Я ехала на велосипеде из школы домой, а когда приехала, увидела кровавые разводы по всей моей белой юбке. Я испугалась. В слезах побежала к маме, просила помочь мне найти рану. Она шлепнула меня. Я не знала, что есть венгерская традиция: шлепать девушку в начале ее первых месячных. Да и вообще не знала о менструации. Ни мама с сестрами, ни учителя, ни тренеры, ни друзья – никто ничего не рассказывал мне о моей анатомии. Я знала, что у мужчин есть что-то, чего нет у женщин. Я не видела моего отца голым, но чувствовала ту часть тела Эрика, когда он прижимал меня к себе. Он никогда не просил меня прикоснуться к нему, никогда не обращал мое внимание на свое тело. Мне нравилось думать о наших телах как о тайнах, которые ждут, чтобы их открыли; думать о чем-то таком, что превращалось в электрический разряд, когда мы приближались друг к другу.

我想理清思路。我不希望我最后的想法是刻板的或悲观的。我不想要诸如“有什么意义？”之类的问题。和“为什么会这样？”。我不想重演我们在最后的想法中看到的所有恐怖。我想要活着的感觉。我想再次体验愉悦的身体表达。我想起了埃里克的声音和他的嘴唇。我试着回忆那些可能仍然能让我颤抖的想法。我永远不会忘记你的眼睛。我永远不会忘记你的手。这就是我想要记住的：我胸口的温暖，我皮肤上的红晕。虽然“记住”这个词不太合适。我想在拥有它的同时享受我的身体。很久以前，在卡斯，妈妈不让我看埃米尔·左拉的《娜娜》，我却把书拖进浴室偷偷看。如果我明天死去，我将成为处女。那么，如果我不能完全了解它，为什么我还需要一个身体呢？我的大部分生活都是一个谜。我记得我第一次来月经的那天。我从学校骑自行车回家，当我到达时，我看到我的白裙子上到处都是血迹。我吓坏了。我

含着泪跑到妈妈跟前，请她帮我找到伤口。她拍了我一下。我不知道匈牙利有在女孩第一个时期开始时打屁股的传统。我甚至不知道月经。我的母亲和姐妹、老师、教练和朋友都没有——没有人告诉我任何关于我的解剖结构的事情。我知道男人有女人没有的东西。我没有看到父亲赤身裸体，但当他紧紧抱住我时，我感觉到了埃里克身体的那一部分。他从不让我碰他，从不让我注意他的身体。我喜欢将我们的身体视为等待被发现的秘密。想想当我们接近对方时的火光四射。

Теперь это останется загадкой, которую я не разгадаю. Бывало, что я чувствовала, как загораются маленькие звездочки желания, но теперь я уже никогда не найду выхода этому желанию, никогда не увижу целой галактики обещанного света. Об этом я плачу здесь, на лестнице смерти. Ужасно терять – уже потерять – все, что дорого и знакомо: мать, отца, сестру, любимого, страну, дом. Но почему я должна расстаться с тем, чего я даже не знала? Почему меня лишают будущего? Моих возможностей? Почему я никогда не буду матерью своим детям? Не надену свадебное платье, которое мне не сошьет отец? Я умру девственницей. Не хочу, чтобы это стало моей последней мыслью. Нужно подумать о Боге.

现在它仍然是一个我不会解开的谜。恰巧我感觉到欲望的小星星亮了起来，但现在我永远找不到这个欲望的出口，我永远也看不到整个应许之光的银河。这就是我在死亡阶梯上哭泣的原因。失去——已经失去——所有亲爱的和熟悉的东西是可怕的：母亲、父亲、姐妹、心爱的人、国家、家。但是我为什么要放弃我什至不知道的东西呢？为什么我被剥夺了未来？我的可能性？为什么我永远不会成为我孩子的母亲？穿上我父亲为我做的婚纱吗？我到死也是个处女。我不希望这是我最后的想法。你需要想想上帝。

Я стараюсь представить некую непоколебимую силу. Магда утратила веру. И она, и многие другие. «Я не могу верить в Бога, который позволил такому случиться», – говорит каждая из них. Мне понятно, что они имеют в виду. И все-таки мне всегда казалось, что нетрудно осознать: это не Бог убивает нас в газовых камерах, в канавах, у обрыва, на ста восьмидесятишести ступенях. Убивают люди. И снова встречается ужас, а я не хочу ему потакать. Я представляю Его как существо, похожее на танцующего ребенка. Игривого, чистого и любознательного. Такой следует быть и мне, если я сейчас приближаюсь к Богу. Я хочу сохранить в себе ту часть, способную к удивлению, способную задаваться вопросами, до самого конца. Знает ли кто-нибудь, что я здесь? Знает ли о том, что происходит? Что есть такие места, как Аушвиц и Маутхаузен? Интересно, видят ли меня

сейчас родители? А Эрик? Хотела бы я знать, как выглядит голый мужчина. Мужчины вокруг меня всюду. Мужчины уже неживые. Сейчас я не оскорблю их гордости, если посмотрю. Большим грехом будет отказаться от своего любопытства, убеждаю я себя.

我试着想象一些不可动摇的力量。玛格达失去了信心。她和其他许多人。“我无法相信上帝会让这一切发生，”他们每个人都这么说。我明白他们的意思。然而在我看来，不难意识到，在毒气室、沟渠、悬崖上、一百八十的阶梯上杀死我们的并不是上帝。是人在杀人。恐怖再次介入，我不想放纵它。我把他想象成一个跳舞的孩子。俏皮、干净、好奇。如果我现在亲近上帝，这就是我应该有的样子。我想保留我那能够惊喜的部分，能够提出问题的部分，直到最后。有人知道我在这里吗？他知道发生了什么事吗？像奥斯威辛和毛特豪森这样的地方是什么？我想知道我的父母现在能看到我吗？埃里克呢？我希望我知道一个裸体男人的样子。我周围到处都是男人。男人们已经不在。现在，如果我看，我不会冒犯他们的骄傲。我告诉自己，放弃你的好奇心将是大罪。

Я оставляю Магду спать на лестнице и взбираюсь на илистый холм, где навалены трупы. Я не буду раздевать кого-то, кто остался в одежде. Не стану нарушать покой мертвых. Но если найду упавшего, то посмотрю.

我离开玛格达睡在楼梯上，爬上堆满尸体的泥泞小山。我不会脱掉那些穿着衣服的人。我不会打扰死者的安宁。但是，如果我找到了那个倒下的，我会去看看。

Вижу мужчину с перекошенными ногами. Они будто бы не принадлежат этому телу, но я различаю то место, где ноги соединяются. Я вижу волосы, как у меня, черные, жесткие, и маленький отросток. Он похож на небольшой гриб, что-то хрупкое, выдающееся из земли. Удивительно: женские интимные части спрятаны внутрь, а мужские все наружу, такие уязвимые. Я чувствую удовлетворение. Я не умру не знающей биологию, из-за которой я появилась.

我看到一个双腿扭曲的人。它们似乎不属于这个身体，但我可以看到双腿相交的地方。我看到的头发和我的一样，黑色的，粗糙的，还有一个小幼芽。它看起来像一个小蘑菇，脆弱的东西，从地面突出。令人惊讶的是：女性的私密部位隐藏在里面，男性的都在外面，如此脆弱。我觉得很满足，这样我死的时候就知道了人体构造了。

На рассвете очередь начинает двигаться. Мы почти не разговариваем.

Кто-то рыдает. Некоторые молятся. Каждый из нас сейчас в одиночку переживает: кто ужас, кто сожаление, кто смирение, а кто-то испытывает чувство облегчения. Я не рассказываю Магде, что видела ночью. Очередь движется быстро. Это будет недолго. Я силюсь вспомнить, какие созвездия я раньше находила в ночном небе. Пытаюсь вспомнить вкус мамино хлеба.

黎明时分，队伍开始移动。我们几乎不说话。有人在哭。有些人在祈祷。我们每个人现在都在独自经历：有些恐惧，有些遗憾，有些谦卑，有些人感到如释重负。我没有告诉玛格达我在晚上看到了什么。队列快速移动。不会很长。我很难记住我曾经在夜空中找到的星座。试图记住我妈妈面包的味道。

– Дицука, – зовет меня Магда. Но я понимаю, что она обращается ко мне, лишь сделав несколько глубоких выдохов. Мы дошли до верха лестницы. Впереди офицер, проводящий селекцию. Но всех отправляют в одну сторону. Это не очередь на селекцию. Нас провожают. Это и правда конец. Они прождали до утра, чтобы отправить нас всех на смерть. Должны ли мы что-то друг другу пообещать? Принести извинения? Есть ли что-то, что нужно сказать? Перед нами еще пять девушек. Что мне сказать моей сестре? Две девушки.

“迪苏卡，”玛格达叫我。但我明白她只是在深呼吸几下后才对我说话。我们到达了楼梯的顶部。在进行选拔的官员面前。但每个人都被派往同一个方向。这不是选择队列。我们正在被护送。这才是真正的结束。他们一直等到早上才把我们都送去死。我们应该互相承诺什么吗？道歉？有什么需要说的吗？我们前面还有五个女孩。我应该告诉姐姐什么？两个女孩。

И вдруг очередь останавливается. Нас отводят к группе эсэсовцев, стоящих у ворот.– Кто попробует сбежать, будет расстрелян! – кричат они на нас. – Кто отстанет, будет расстрелян!
Нас снова что-то спасло. Уму непостижимо.
Мы опять идем маршем.

突然，线路停止了。我们被带到站在门口的一群党卫军。谁想逃，谁就被枪毙！他们对我们大喊大叫。谁落后，谁就被枪毙！有什么东西再次拯救了我们。头脑是无法理解的。我们再次游行。

Это марш смерти, от Маутхаузена до Гунскирхена. Самое короткое

расстояние, которое нас заставляли проходить, но мы так обессилели, что из двух тысяч в марше выживет только сотня. Мы с Магдой держимся друг за друга, твердо решив оставаться вместе и держаться на ногах. Каждый час по сотне девочек падает в канавы с обеих сторон дороги. Они слишком слабы или больны, чтобы продолжать идти, и их убивают на месте. Мы словно головка облетевшего одуванчика, семена которого разнес ветер, оставив лишь несколько белых пучков. Единственное, что во мне осталось, – это голод.

Это была смерть в марше, от Моттхоуза до Гессенхайма. Мы были вынуждены идти пешком на самое короткое расстояние, но мы уже были измотаны, в марше из двух тысяч человек только сто человек выжили. Магда и я держались друг за друга, твердо решив оставаться вместе и держаться на ногах. Каждый час по сотне девочек падает в канавы с обеих сторон дороги. Они слишком слабы или больны, чтобы продолжать идти, и их убивают на месте. Мы словно головка облетевшего одуванчика, семена которого разнес ветер, оставив лишь несколько белых пучков. Единственное, что во мне осталось, – это голод.

Все тело болит; все тело немеет. Еще один шаг, который я уже не могу сделать. Боль такая, что я не чувствую своих движений. Я вся – цепь боли, сигнал, циркулирующий от себя и обратно к себе. Даже не замечаю, что отступаю, пока не чувствую, как руки Магды и других девочек меня поднимают. Они переплели пальцы и удержали меня в этой живой люльке. – Ты поделилась с нами хлебом, – говорит одна из них.

Весь день; весь день я была в боли. Я не могла сделать ни одного шага. Боль была настолько сильной, что я не чувствовала своих движений. Я была цепью боли, сигнал, циркулирующий от себя и обратно к себе. Даже не замечаю, что отступаю, пока не чувствую, как руки Магды и других девочек меня поднимают. Они переплели пальцы и удержали меня в этой живой люльке. – Ты поделилась с нами хлебом, – говорит одна из них.

Эти слова мне ни о чем не говорят. Когда это я ела хлеб? Но потом всплывает воспоминание. Наша первая ночь в Аушвице. Менгеле велит играть музыкантам и приказывает мне танцевать. Это тело когда-то танцевало. В этой голове были мечты о театральной сцене. Этот рот ел тот хлеб. Я та девочка, которая думала так той ночью и думает сейчас: «Менгеле убил мою мать; Менгеле позволил мне жить». И сейчас девушка, которая ела со мной корку хлеба почти год назад, узнала меня. Она напрягает последние силы, чтобы переплести пальцы с пальцами Магды и других девушек и поднять меня. В некотором смысле Менгеле дал шанс этому случиться. Той ночью он никого из нас не убил и не убил позже. И дал нам хлеб.

这些话对我来说毫无意义。我什么时候吃面包了？但随即出现了一段记忆。我们在奥斯威辛的第一个晚上。门格勒让音乐家们演奏并命令我跳舞。这具身体曾经跳舞。在这个头脑中是一个戏剧舞台的梦想。这张嘴吃了那个面包。我就是那个晚上这么想的女孩，现在想：“门格勒杀了我的母亲；门格勒让我活下去。”现在，差不多一年前和我一起吃面包皮的那个女孩认出了我。她用尽最后的力气将她的手指与玛格达和其他女孩的手指交叉起来，把我举起来。在某种程度上，门格勒给了它一个发生的机会。那天晚上他没有杀我们任何人，后来他也没有杀我们任何人。并给了我们面包。